

6. Хантингтон С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; Пер. с англ. А. Башкирова. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

7. Бенхабиб Сейла Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб ; Пер. с англ. ; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

Садовников О. К., канд. филос. наук, доц.
Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Украина

МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ОКОЛОНАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Развитие производительных сил человечества, научно-технический прогресс, превращение науки в могущественную интеллектуальную потенцию материального производства и всей общественной жизни, – все это, несомненно, укрепляет позиции научно-философского мировоззрения, способствует его обогащению, распространению. Можно признать, что наука – это совокупность эволюционирующих доктрин, постоянно подвергаемая критическому анализу и обязанная интегрировать новые факты, возникающие ежедневно. Наука непрерывно обновляется, и принятие той или иной доктрины возникает в результате свободного столкновения идей, суждений независимых умов, основанных на знании существующих в данный момент фактов и руководствующихся критериями научного мышления при определенном влиянии субъективного фактора.

Понятно, что классические или традиционные представления об объективном восприятии науки в настоящее время подвергаются ревизии. Наука при ее богатых возможностях не всегда в состоянии моментально ответить на многие вопросы, которые она же и ставит. Отвечая на многие глобальные вопросы, наука часто оказывается совершенно бессильной при необходимости решить проблемы, касающиеся личностного бытия конкретного человека. Вследствие этого возникает некоторое недоверие к науке как к всеохватывающей силе в познании действительности, а это вызывает необходимость дополнения научных представлений различными ненаучными или иррациональными представлениями для восполнения пробелов, оставленных наукой. Параллельно с развитием идей о господстве науки происходит формирование антисциентистских умонастроений, идеологий «технического пессимизма», красноречивая формула которого – «великий отказ» – была сформулирована Г. Маркузе.

Понятно, что человек воспринимает научные знания в процессе воспитания, образования, трудовой деятельности, и набор знаний отдельного индивида зависит от необходимости применения их для удовлетворения личных потребностей и интересов. Разветвленность науки и богатейший арсенал знаний, накопленный человечеством, обширность современного научного потенциала не дают возможности отдельной личности проявить себя

специалистом абсолютно во всех отраслях знаний, владеть в совершенстве всеми существующими науками. Теоретические обоснования в области космологии, физики... далеко не всегда могут быть проверены опытным путем, тем более на обыденном уровне, что приводит если не к недоверию, то уж во всяком случае, к ряду непониманий научных достижений. В этих условиях становится возможным поверхностное, с той или иной долей углубленности, обладание и использование обобщенных знаний при их совершенствовании в отдельной научной отрасли. Намечающаяся при этом узкая специализация, что уже ярко проявляется в развитых странах, вынуждает воспринимать часть фактов и теорий без должных обоснований или вообще на веру. И тут речь идет уже не о научном знании, а о вере, и соответственно о других формах знания, о «внеаучном» знании.

Научная некомпетентность обуславливает существование альтернативных наук, квазинаук, лженаук, псевдонаук, иррациональных знаний, и других компонентов ненаучного характера, носящих как социальный, так и индивидуальный характер. Образуется околонучное пространство, в котором строгость научных построений и доказательств подменяется гипотетичностью, субъективизмом. В результате в сознании составляется мозаика из научных представлений и разрозненных знаний.

С конца XIX в. философия отходит от принципов классической философии, характерной чертой которой была почти безграничная вера в разум в его возможностью познания мира и установления «царства разума». Философия оставляет вещи нарочито недоговоренными. Раздвигая пространство вопросов, она соблазняет искать ответы. Как считает Т. Ойзерман, рассматривавший ситуацию в постсоциалистической философии, хотя его наблюдения вполне применимы и в более широком смысле, многие не только религиозные люди, но и те, которые придерживаются иррелигиозных воззрений, ищут в философии отнюдь не научных ответов на волнующие их вопросы... Реально существуют философские учения, в которых получают более или менее адекватное выражение духовные аспекты человеческой жизни, находящиеся вне научного сознания, вне научного мировоззрения. Следовательно, в науке и в духовном познании задействованы в принципе разные структуры человеческого существа. В науке человек действует как чистая интеллигенция, чистый ум. Совесть, вера, любовь, порядочность – все это подмога в работе ума ученого. Но в духовной жизни, напротив, «ум – это только рабочая сила у сердца».

Многообразие форм научного и наукообразного понимания бытия усиливает неадекватность восприятия мира, что допускает в сознание мифологию как связующий компонент. Подобная ситуация была отмечена Ф. Ницше, когда он писал, что «образ умирающего Сократа как человека, знанием и доводами освободившегося от страха смерти, есть щит с гербом на вратах науки, напоминающий каждому о её назначении, а именно делать нам понятным существование и тем его оправдывать, чему, правда, когда доводов не хватает, должен, в конце концов, служить и миф, который я только что признал за необходимый результат и даже за конечную цель науки». Миф и

наука сближаются в своих целях понимания мира, но привлекательность мифологии, ее упрощенность, всевозможность, доступность восприятия ставят мифологические построения в противовес научным обоснованиям. При этом мифология может использовать для убедительности научные конструкции и достижения, что можно определить как фактор обновления мифологии.

Мифология проникает и закрепляется в околонучном пространстве, но воспринимается не как мифология, а как альтернативная наука. При этом граница практически перестает существовать, так как размежевание проходит в большей степени на субъективном уровне, при ориентации на собственные знания, концепции, мысли, систему ценностей, убеждения, критичность или не критичность восприятия. Следовательно, теоретические и практические результаты исследования зависят от образа мышления ученого. «И танцующее божество, и физическая теория порождены сознанием и являются моделями для описания определенных интуитивных представлений о мире. Одни и те же представления о материи будут воплощаться: для мистика – в образе космического танца бога Шивы, а для физика – в определенных аспектах квантово-полевого теории».

Н. Овчинников подобные мысли находит и у К. Поппера, который, изучая феномен «иммунизации» научной теории, приходит к выводу, что, хотя научные теории проверяются опытом, возникают они не из опыта и не на его основе, но часто из примитивных мифов. Теории изначально в нашем познании – без них процесс познания не может начаться. К. Поппер с некоторым вызовом утверждает, что именно исходя из теорий, мы творим мир, – не реальный мир, конечно, но только собственные сети, в которые мы стремимся уловить реальный мир.

Рационально-научное мышление подвергается переосмыслению в работах А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Вебера, М. Хайдеггера, К. Ясперса. Критической оценке рациональность подвергается в 60-ые годы XX столетия со стороны постпозитивистов: Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, П. Фейерабенда и др., предложивших историческое рассмотрение рациональности. В результате были изменены критерии рационального познания, показан плюрализм исторически сменяющих друг друга форм рациональности и соответствующих им подходов к восприятию науки. Тем самым рациональное стало рассматриваться с различных позиций. Подверглась новому восприятию и наука, которая приобрела возможность для существования в различных ипостасях.

Некоторой корректировке в связи с новационными подходами к науке, подверглось и отношение к мифу. К. Хюбнер, занимаясь «критикой научного разума», стал на путь отделения рациональности как таковой от научной рациональности. Развивая это направление, К. Хюбнер пытается доказать, что формы сознания, традиционно считающиеся иррациональными – например, миф, – имеют свою рациональность, обусловленную понятием опыта, отличного от научного. Этим положениям К. Хюбнер посвящает специальную работу «Истина мифа», где мифологическое сознание приобретает свою рациональность в исторических границах определенных положений веры.

Сходные положения использует и Э. Кассирер, который выделяет два метода в рационалистическом разгадывании мифа: объективный, по которому может осуществляться попытка классификации объектов мифологической мысли, и субъективный, то есть возможность определения мотивов мифологической мысли. Используя методологические основы К. Хюбнера и Э. Кассирера, дополнив их ранее применяемыми методами, можно определить линию разграничения между мифологией, существующей в околонучном пространстве, и наукой.

Конечно же, наука не имеет ничего общего с мифологией. Миф всегда синтетически жизненен, он привязан к живым личностям, слит в сознании с восприятием мира, миф эмоционален; наука всегда превращает жизнь в формулу, используя вместо живых личностей отвлеченные схемы и формулы. Мифологическое сознание непосредственно и наивно, легко и понятно; научное сознание необходимо обладает выводным, логическим характером, оно непосредственно, бывает трудно для усвоения, требует длительного обучения и навыков. Однако в силу исторической обстановки существует как мифологически окрашенная наука, так и научно-осознательная или хотя бы примитивно научно-трактованная мифология.

Если рассматривать науку как систему логических и числовых закономерностей, науку – в себе, чистую науку, то она не мифологична. Однако, как таковая она никогда не существует. Существующая реально наука, всегда так или иначе мифологична. А. Лосев говорит об этом так: «Не мифологическая механика Ньютона, взятая в чистом виде, но реальное оперирование с механикой Ньютона привело к тому, что идея однородного пространства, лежащая в ее основе, оказалась единственно значимой идеей. А это есть вероучение и мифология. Геометрия Евклида сама по себе не мифологична. Но убеждение в том, что реально не существует ровно никаких других пространств, кроме пространства Евклидовой геометрии, есть уже мифология». В науке, как и в жизни, всегда возникали вопросы, ответы на которые были настолько сложны и неопределенны, что приходилось соглашаться с установившимся мнением большинства входить в научное сообщество с принятием действующей парадигмы. Как считает В. Леглер: «Практически определить науку можно как сообщество, внутри которого возможно полное и добровольное, основанное на убеждениях, согласие людей по некоторому вопросу».

Наиболее распространенной околонучной мифологической системой, стремящейся подменить действующие научные представления, объяснить природу и создание культуры человеческого общества, являются UFO-логические представления. Широко внедрившаяся в общественное сознание идея о деятельности космического разума, о влиянии высших цивилизаций обладает типичными свойствами мифологемы:

- не отчетливое разделение предмета и знака;
- диахронический аспект представлен рассказами о деятельности инопланетян в прошлом по созданию религии, феноменов материального производства и духовной культуры (уфология даже классифицирует

мифообразы, а домовых, ведьм, леших она интерпретирует как представителей высших цивилизаций);

– синхронический аспект заключается в объяснении настоящего и будущего деятельностью разумных космических сил;

– налицо антропоморфизм и зооморфизм квазинаучных мифологем (описание внешнего облика пришельца).

В отличие от альтернативных наук, квазинаучная мифология все-таки не противостоит науке, а своеобразно ее «дополняет» разрешая и трансформируя в массовой культуре то, что с точки зрения обыденного сознания, является проблематичным и пока не решенным. Поэтому околонаучная мифология как результат трансляции и трансформации научного знания в массовой культуре онтологически представляет собой бытие конфликта между научным и массовым сознанием. Если раньше невозможность рационального постижения мира рождала миф, то теперь недоступность для масс научного объяснения мира выливается в околонаучное мифотворчество, в котором по-своему снимается, иллюзорно преодолев отчужденность человека от подлинного научного творчества.

В этом смысле околонаучное мифотворчество обладает будущим: динамика мифа адекватна динамике науки, ибо инновация как определяющая ценность техногенной цивилизации ориентирует и науку и мифосознание на производство нового, сохраняя ситуацию коэволюции и квазинаучного мифа. Околонаучная мифологема транслируется и трансформируется сознанием массовым. Современные средства информации, традиционную для этапа господства мифа коммуникацию «из уст в уста» замещают коммуникацией массовой, опосредованной, придавая ей статус реально произошедшего события. Немаловажную роль играет социально-психологическая сфера массового сознания: доверчивость к печатному слову, теле- и радиоинформации, сенсационная форма подачи квазинаучных мифологем. Как результат происходит укрепление в сознании, прежде всего, тех фактов, которые проходят через средства массовой информации.

Современная мифология стремится приблизить свои образы к достижениям человечества, которые рождает современная наука. Это приводит к созданию сложных мифов на грани реальности и фантастики. Таким образом, появляются мифы о НЛО с привлечением простейших знаний о космическом пространстве и знакомстве с техническими достижениями земной науки о Космосе. Рассказы о Лохнесском чудовище, Чупакабре, драконе Тихого океана, снежном человеке, лемурийцах и атлантах нарушают научно-эволюционистские теории, но сами же опираются на них. Неомифологические системы создаются при непосредственном взаимодействии с современной наукой, при упрощении научных результатов. М. Захарченко подчеркивает, что миф всегда является обобщенным отражением определенного явления, события и т. д. Понятно, что мифология изображает действительность, но миф проявляется как фантастическое отображение человеком мира, в которые явления действительности выступают в виде чувственно-образных

представлений, где субъективный образ (представление) отождествляется с объективным или субъективным предметом, явлением или процессом.

Следовательно, околонаучное мифотворчество исчерпает себя не в условиях некоего изобличения и разоблачения, а при регрессировании определенных социокультурных факторов: демифологизация общественной жизни, что может оказаться невозможным, так как вне присутствия мифологического компонента социальное и индивидуальное сознание чувствует себя неуютно и без мифологического присутствия не существует; преодоление элитного положения науки в обществе, что сомнительно, ведь математизация, научная дифференциация и интеграция, информационная емкость оказывают все большее влияние на существование цивилизации и самого человека.

Переход от мифа к логосу не является необратимым событием, которое произошло в определенный момент истории или, говоря более конкретно, во времена первых философов. Мифологическое и логическое постоянно переплетаются и в истории человечества, и в жизни отдельного индивида. Переход от мифа к логосу относится к числу задач, которые неизменно возникают перед эпохой и каждой личностью. Многие даже сейчас утверждают, что миф не только не является примитивной формой мышления, которая должна быть преодолена, но что именно миф, правильно истолкованный, является подлинной формой понимания.

Мифологические обоснования мира, существовавшие в древности, были основаны в большей степени на интуиции, вере и традициях, могли легко трансформироваться и были открыты для практических знаний, которые собственно и нанесли удар по мифологии. Сейчас же мы можем увидеть процесс внедрения мифологии в общественное и индивидуальное сознание через околонаучное пространство, через наукообразные спекуляции, когда научное знание подменяется мифологическим сознанием. Мифологическое сознание представляется ныне уже не формой преодоления (пусть мнимого) незнания, а скорее способом адаптированного погружения в незнание.

Миф возвращается, чтобы вернуть человеку чувство эмоционального и интеллектуального комфорта среди кажущегося хаоса, при сложности восприятия современных научных обоснований. Мифы, вращающиеся вокруг науки, создают своеобразную систему восприятия мира, в которой иногда самым причудливым образом соединяются элементы научных знаний, философских обоснований, магии, эзотерики, реликтов древних мифологий. Чем сложнее картина реального мира, тем сильнее проявляется импульс к ее упрощению. Вполне справедливо считал К. Юнг, что у современного человека демоны и боги вовсе не исчезли, они обрели новые имена. И они удерживают его на ходу своим беспокойством, нечетким пониманием, психологическими сложностями. М. Элиаде в ряде эссе по поводу оккультизма, колдовства и моды в культуре показывает каким образом происходит развитие мистико-мифологических взглядов и их укрепление в сознании современного человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барт Р. Миф Сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Миф сегодня. – М. : Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. – 615 с.
2. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации: Пер. с англ. – М. : Прогресс, 1977. – 412 с.
3. Быстрицкий Е. К.. Научное познание и проблема понимания. – Київ : Наукова думка, 1985. – 136 с.
4. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: Сб. переводов. – М. : Прогресс, 1978. – С. 43–110.
5. Капра Ф. Дао физики: Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока: Пер. с англ. – СПб: ОРИС, 1994. – 303 с.
6. Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: Учебное пособие для вузов. – М. : ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.

Серіков Я. О., канд. техн. наук, доц.,
*Харківський національний університет міського
господарства імені О. М. Бекетова, Україна*

ВИКОРИСТАННЯ МЕТОДІВ ЕВОЛЮЦІЙНОГО МОДЕЛЮВАННЯ ДЛЯ ВИРШЕННЯ ЗАВДАНЬ ПІДВИЩЕННЯ НАДІЙНОСТІ АНТРОПОГЕННИХ СИСТЕМ

На даний час розроблена значна кількість напрямків дослідження та прогнозування стану антропогенних систем [1, 2]. Однак, в своїй більшості вони мають локальний, статичний характер досліджень. Сучасний рівень розвитку наукових досліджень розглядуваного напрямку характеризується наявністю великої розгалуженості дослідницьких і експлуатаційних завдань різної складності. При чому, активізація науково-технічного прогресу, зростання складності створюваних людиною антропогенних систем викликає необхідність постійного підвищення вимог до точності одержуваних результатів і скороченню витрат часу на їхнє вирішення. Одним з напрямків, що дозволяють реалізувати поставлену задачу, є використання методів моделювання.

Сучасні дослідження на основі методів моделювання характеризуються використанням нових, нетрадиційних підходів, які об'єднані загальною метою інтелектуалізації систем керування. Ці підходи відрізняються між собою за досить великою кількістю класифікаційних ознак, однак, всі вони об'єднані єдиною концепцією інтелектуалізації – формалізацією певних знань про об'єкт керування через властиві людині прийоми мислення, що дозволяють вивчати навколишнє середовище. Це безпосередньо стосується і поставленої проблеми підвищення безпеки життєдіяльності в системі «людина – середовище існування».